

УДК 904

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БОГДАНА БЕЛЬСКОГО В 90-е гг. XVI в.**

© 2017 г.

А.В. Виноградов

Институт российской истории Российской академии наук, Москва

avinogradov1957@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

Определяется роль Богдана Яковлевича Бельского в осуществлении внешней политики Русского государства на «крымском направлении» в 90-х гг. XVI века. Выясняются причины, по которым Борис Федорович Годунов после длительной опалы привлек Б.Я. Бельского к дипломатической деятельности именно по осуществлению посольского размена и съезда с крымцами осенью 1593 года под Ливнами. Рассматриваются малоизученные страницы политической биографии Богдана Яковлевича Бельского в 90-х гг. XVI века.

Ключевые слова: русско-крымские отношения, посольский размен и съезд под Ливнами, Богдан Яковлевич Бельский, Борис Федорович Годунов, князь Федор Иванович Хворостинин, Ахмед-паша «князь Сулешев».

Фигура Богдана Яковлевича Бельского давно привлекает к себе внимание историков. Биография этого государственного деятеля поражает чередой взлетов и падений, связанных с судьбоносными событиями отечественной истории. «Фаворит» Ивана Грозного и видный деятель последних лет его правления, он после известных событий 1584 года удаляется из Москвы и отправляется на воеводство в Нижний Новгород «без явных следов видимой опалы и даже с сохранением чина оружничего» [1, с. 30]. В качестве воеводы в Нижнем Новгороде он упоминается в разрядах под 7092 (1583/84) и под 7093 (1584/85) г. [2, с. 29; 3, с. 349]. Далее в служебной карьере Б.Я. Бельского следует перерыв. А.П. Павлов обратил внимание на то, что в боярском списке 1588/89 г. над именем Бельского стоит помета «в деревне» [1, с. 38]. Видимо, в это время он уже не воеводствовал в Нижнем Новгороде. Затем к 1591 году следует его возвращение в Москву и участие в ряде военных кампаний. При отражении крымского нападения в июле 1591 года он назначен быть в «прибыльных воеводах» в большом полку под командованием князя Федора Ивановича Мстиславского [2, с. 212]. В декабре 1591 года он назначен быть «с нарядом» также в большом полку в кампании против шведов [4, с. 11]. При этом по записям в разрядах он не теряет чин оружничего, но не упоминается как думный дворянин.

Далее в разрядах Богдан Яковлевич появляется в 1593 г. в качестве второго «разменного» посла для проведения посольского размена и съезда под Ливнами с крымцами [4, с. 47]. Первым послом был назначен князь Федор Ивано-

вич Хворостинин, получивший в связи с этим чин боярина, к тому времени уже видный представитель московской политической элиты, принадлежавший, как отмечает А.П. Павлов, к «не слишком знатной фамилии из рода ярославских князей (возвышенной в годы опричнины)», но пользовавшейся явным доверием всесильного «государева слуги» Бориса Федоровича Годунова [1, с. 41–42]. Послам придавался дьяк Дорофей Бохин. Внесение этой дипломатической миссии в расширенную редакцию разрядов – несомненное подтверждение ее важности. Об этом же свидетельствует перечень в разрядах приданных послам (по традиции первому послу) голов: «Тово же году послал государь на Ливны против крымских послов на розмену боярина князя Федора Ивановича Хворостинина да оружничего Богдана Яковлевича Бельского; а головы у боярина у князя Федора Хворостинина были: князь Василий Щетинин, да Ортемий Васильев сын Измайлов, да Олексей Петров» [2, с. 47].

Осенний посольский размен и съезд под Ливнами 1593 года был кульминацией сложной дипломатической игры, происходившей между Москвой и Бахчисараем с момента водворения на крымском престоле хана Гази-Гирея II весной 1588 года. Речь шла не просто об обмене посольствами с «сопутствующими» переговорами, как это уже имело место при Иване Грозном в 1578 и 1582 г. Решался вопрос об окончательном урегулировании ситуации, связанной с длительным пребыванием на территории Русского государства претендентов на крымский престол – сыновей хана Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея [5, с. 274–299]. Оба «ца-

ревича»-султана оказались в южных пределах Русского государства еще на рубеже 1584/85 г. после неудачной попытки захвата ими Крыма. Эти события явились одним из этапов длительной борьбы за крымский престол, происходившей в течение 1577–1588 гг. и известной в историографии как «династический кризис Гиреев» или как «кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. [6, с. 220–254]. В русской посольской документации эти события в конечном итоге получили именование «ссора великая в Крымском юрте» [7, с. 60; 8, с. 75]. Длительная борьба за престол между сыновьями Девлет-Гирея I началась в Крыму еще в последние годы его жизни. Летом 1577 г. после кончины хана ситуация с престолонаследием едва не привела к открытой борьбе между старшим сыном и наследником хана Мухаммед-Гиреем и его братьями. Конфликт был предотвращен благодаря позиции Порты, стремившейся сохранить военный потенциал Крыма для войны с Сефевидами. Тем не менее именно ход ирано-турецкой войны во многом спровоцировал дальнейшее развитие династического кризиса. В начале 1584 года хан Мухаммед-Гирей II был свергнут своим братом Алп-Гиреем при поддержке османов, которому, тем не менее, не удалось получить вожденный бахчисарайский престол. Новым ханом Порты поставила другого брата Мухаммед-Гирея II – Ислам-Гирея II.

Летом 1584 г. сыновья Мухаммед-Гирея II при поддержке части крымской знати, и в первую очередь карача-бека крымских мангытов Есиная «Дивеева» (сына Дивея, знаменитого приближенного и полководца Девлет-Гирея I, попавшего в плен в битве при Молодях летом 1572 г.) и его брата Арслана, сумели занять Крым. Ислам-Гирей II бежал в Кафу под защиту османов. В Бахчисарае водворился старший сын Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирей. Через два месяца мятежники были разгромлены прибывшими в Крым османскими войсками и со своими сторонниками вновь бежали с территории полуострова. Водворившись в причерноморских степях мятежные Гиреи намеревались продолжить борьбу за престол, но вскоре вынуждены были отступить в Закавказье. Далее они запросили помощи Москвы. В конечном итоге летом 1586 года один из «царевичей» – Мурад-Гирей водворился в Астрахани, где предполагалось начать подготовку к его походу на Крым. На самом деле планы инициировавшего «астраханский проект» Б.Ф. Годунова предполагали не столько водворение «своего» хана на крымском престоле, сколько усиление позиций Москвы на Кавказе и у Больших Ногаев. После смерти в 1587 году «хана в изгнании»

Сеадет-Гирея II Мурад-Гирей стал основным «московским» претендентом на крымский престол. С приходом к власти в Крыму весной 1588 г. хана Гази-Гирея II, одного из младших братьев ханов Мухаммед-Гирея II и Ислам-Гирея II (после внезапной кончины последнего), между Москвой и Бахчисараем начинаются переговоры об условиях возвращения Мурад-Гирея в Крым, которые не приводят к результату [9, с. 17–46]. Б.Ф. Годунов не желает расставаться с претендентом на крымский престол, обуславливая его возвращение заключением союзного договора между двумя государствами, что не отвечало интересам Порты. Ситуация стала приобретать тупиковый характер, когда весной 1591 года Мурад-Гирей внезапно скончался в Астрахани, вероятно, отравленный ногайскими мурзами в качестве мести за ужесточение при его активном участии военно-политического контроля над ними со стороны Москвы. Смерть «царевича» явилась предлогом для осуществления летом 1591 года ханом Гази-Гиреем II своего знаменитого похода на Русское государство.

Провал похода еще более осложнил ситуацию в русско-крымских отношениях. После смерти Мурад-Гирея в Русском государстве продолжала пребывать его вдова Ертуган, дочь знаменитого ногайского бия Гази, основателя «Казыева улуса». До этого она была женой брата Мурад-Гирея Сеадет-Гирея II. Мурад-Гирей женился на ней по смерти брата по обычаю левирата. Все дети Ертуган, родившиеся от ее браков с братьями Гиреями в Русском государстве к 1593 году, умерли [10, с. 59]. Однако от брака с Сеадет-Гиреем имелся сын Девлет-Гирей, пребывавшей все это время у родственников Ертуган, ногайских «князей мангытских» – «Дивеевых», активных участников крымской «ссоры». К 1593 году Арсланай «Дивеев», еще весной 1588 г. поддержавший хана Гази-Гирея II, был официально призван им стать опекуном племянника. Как старший представитель династии (старший внук Девлет-Гирея I), Девлет-Гирей мог в случае гибели или «просто» свержения Гази-Гирея II занять бахчисарайский престол. Ертуган, естественно, стремилась вернуться к сыну. Однако ее возвращение обуславливалось Годуновым только как часть общего урегулирования отношений между Москвой и Крымом. Другую проблему создавало пребывание на территории Русского государства приближенных Сеадет-Гирея II и Мурад-Гирея, частично принадлежащих к высшей крымской знати. Их возвращение в Крым в свите Ертуган также мыслилось Годуновым в контексте общего урегулирования русско-крымских отношений. При этом Борис Федорович предполагал

оставить у себя наиболее знатных и влиятельных «эмигрантов».

Данные вопросы были в центре происшедших с осени 1591 года по осень 1593 года русско-крымских переговоров как в Москве, так и в Бахчисарае [11, с. 18–50]. Ключевую роль в них играл аталык (воспитатель) сыновей Ертуган от Сеадет-Гирея II и Мурад-Гирея Ямгурчей. После смерти Мурад-Гирея Ертуган отправила его с согласия русских властей из Астрахани в Крым к хану Гази-Гирею II. Последний, оценив связи Ямгурчей аталыка в Русском государстве, уже осенью 1591 года направил его к Б.Ф. Годунову в качестве личного эмиссара. Однако первая миссия Ямгурчей аталыка оказалась неудачной. Ситуация стала меняться только после отправления Годуновым в Крым посланника С.В. Безобразова, которому удалось договориться об условиях возвращения Ертуган.

Наконец летом 1593 г., в ходе второй миссии в Москву эмиссара хана Ямгурчей аталыка, в результате его переговоров лично с Б.Ф. Годуновым была достигнута окончательная договоренность о возвращении в Крым «царицы» Ертуган и лиц из окружения ее покойного мужа Мурад-Гирея. Возвращение «царицы» должно было сопровождаться обменом посольствами [12, с. 67–70]. Московское посольство должно было заключить очередной русско-крымский договор. Этому должна была сопутствовать выплата «поминок» хану и оставшимся лояльным ему представителям династии Гиреев, прежде всего непосредственно членам его семьи, и «жалования» крымской знати. Кроме того, хан требовал выделения Москвой т.н. «запросных денег», запрашиваемая сумма которых намного превосходила сумму официальных «поминок».

Крымское посольство в Москву возглавил Ен Маметь «князь» Ширинский, представитель младшей ветви могущественного крымского рода Ширинов. Ответственным за проведение посольского размена и съезда хан назначил Ахмед-пашу «князя Сулешева» из рода беков Яшлавских. Эта крымская фамилия традиционно стремилась к контролю над «московским направлением» крымской внешней политики, отстаивая свое наследственное «амиатство» – посредничество в осуществлении русско-крымских дипломатических «ссылок» [13, с. 26–73]. Содействие «доброму делу» сопровождалось по традиции предоставлением представителям этой семьи, задействованным в «ссылках» с Москвой, значительного «жалования» как в денежном, так и в материальном эквиваленте. У Годунова имелись «рычаги влияния» на Ахмед-пашу: в Москве находились два его брата – перешедший на сторону Сеадет-Гирея и

Мурад-Гирея бывший посол хана Мухаммед-Гирея II к Ивану Грозному Янша-мурза и захваченный при не совсем ясных обстоятельствах Ибрагим-паша-мурза. Кроме того, в Москве был задержан отправленный в качестве гонца от хана Гази-Гирея II племянник Ахмед-паши Аллабердей-мурза [14, с. 403–416]. Ахмед-паше придавались представители всех основных крымских кланов, которые должны были контролировать его действия. Среди них было много родственников бывших приближенных Мурад-Гирея, которые должны быть отпущены вместе с «царицей» Ертуган. Ситуация в правящих верхах Крыма была непростая: все влиятельные кланы крымской знати имели счеты по отношению друг к другу в ходе «ссоры великой в Крымском юрте», сопровождавшейся зверскими расправами победителей со сторонниками свергнутых ханов. Представители крымской знати не питали «добрых чувств» к ханскому эмиссару Ямгурчей аталыку. Последний не усердствовал в уговорах вернуться приближенных Мурад-Гирея, с которыми он был связан тесными личными отношениями.

Обе стороны не доверяли друг другу, но затягивать решение вопроса об урегулировании сложившейся ситуации было нельзя. Порта требовала участия хана Гази-Гирея II в военных действиях против австрийских Габсбургов в Центральной Европе. В случае «саботирования» фирмана султана Гази-Гирей мог лишиться престола. Выступать в поход без решения вопроса о возвращении «царицы» и крымской эмиграции было опасно: противники могли использовать это как показатель его слабости. К тому же хан нуждался в деньгах для организации похода. Со своей стороны, Борис Федорович Годунов вел сложную дипломатическую игру. Его переговоры с ханским эмиссаром шли одновременно с переговорами с послом иранского шаха Хосровом и имперским послом Н. Варкочем [15, с. 407–413]. Рассматривался вопрос участия Русского государства в антиосманской коалиции. В этой ситуации вопрос об урегулировании отношений Москвы и Бахчисарая имел особое значение. Годунова устраивали два варианта развития событий. В случае заключения соглашения с Гази-Гиреем II и долговременного отвлечения сил крымской орды в Центральную Европу обеспечивалась безопасность южных границ Русского государства. В случае смещения хана Портой, либо ко времени проведения посольского размена и съезда, либо ко времени прибытия московского посольства в Крым Москва могла предоставить военно-политическую поддержку Гази-Гирею II, что вернуло бы ситуацию к периоду 1586–1591 гг.

Сам хан изложил эту просьбу в «тайном» послании, врученном Годунову его эмиссаром. Эти переговоры велись Б.Ф. Годуновым с Ямгурчеем аталыком в строгой секретности и именовались в русской посольской документации «тайным делом». Подготавливаемому к отправлению посольству во главе с князем М.А. Щербатовым были даны два «наказа» – обычный и «тайный» на случай свержения Гази-Гирея II.

Естественно, что Порта пристально следила за ходом русско-крымских переговоров и вообще проявляла внимание к дипломатическим контактам Москвы с Габсбургами и Сефевидами. Тем же летом 1593 г. эмиссар Порты Резван чавуш уже вступил в пределы Русского государства. Его сопровождал возвращающийся из Стамбула посол Г. Нащокин. Годунов, однако, затягивал приезд османского эмиссара в Москву для завершения переговоров с иранским и имперским послами и разрешения ситуации с проведением посольского размена и съезда с крымцами.

Таким образом, посольская миссия, в которой должен был участвовать Б.Я. Бельский, имела исключительное значение.

К этому времени в ходе как официальной, так и неофициальной переписки Гази-Гирея II с Б.Ф. Годуновым определилась форма посольского размена и съезда, которая предполагала не просто традиционный размен посольств в присутствии эмиссаров с обеих сторон и «сопутствующие переговоры», а заключение предварительного русско-крымского договора. Договор должны были утвердить «разменные послы» обеих сторон. Крымские эмиссары должны были совершить церемонию принесения шерти (от арабского шарт – «договор – соглашение») и вручить после этого крымский противень договора русским «разменным» послам. Русские «разменные послы», со своей стороны, должны были «целовать крест» на своем противне и вручить его крымцам. Текст договора составлялся в Москве и был согласован с находящимися там крымскими дипломатами. Правда, Хворостинину и Бельскому предписывалось по возможности избежать акта «крестоцелования» на русском противне предварительного договора. Желательно было ограничиться принесением шерти Ахмед-пашой и эмиссарами крымской знати.

Следует отметить что при предполагаемых в течение 1590–1591 гг. посольских разменах с санкции Годунова «разменными» послами назначались представители московской политической элиты, непосредственно задействованные в посольских «ссылках» с Крымом. Летом

1590 года в Крым было снаряжено посольство казначея Ивана Васильевича Траханиотова и дьяка Афанасия Демьянова [16, л. 287 об.]. Разменными послами были назначены окольный Семен Федорович Сабуров-Годунов и думный дворянин Роман Михайлович Пивов: «были на размене воеводы Семен Федорович Сабуров да Роман Пивов» [17, с. 223]. Размен был сорван тогда крымской стороной, однако Гази-Гирей II выразил готовность провести его повторно в ближайшее время. После возвращения из-под Ливен посольство было переформировано, а «разменные» послы сменены. В марте 1591 года при первом предполагаемом отправлении посольства князя Меркурия Александровича Щербатова разменными послами были назначены окольный Семен Федорович Сабуров-Годунов и думный дворянин Демьенша Иванович Черемисов [16, л. 169 об.]. Выбор Семена Федоровича Сабурова-Годунова в обоих случаях объяснялся его родственными связями с всемогущим «государевым слугой». Выбор Романа Михайловича Пивова летом 1590 года объяснялся его длительным пребыванием при Мурад-Гирее в Астрахани, куда он был отправлен вместе с ним еще летом 1586 г. [2, с. 88]. Летом 1590 года русская сторона предполагала отпустить «царевича» в Крым в ходе посольского размена, однако только при условии заключения Крымом военного союза, направленного против Речи Посполитой, что было неприемлемо для Гази-Гирея II и собственно и привело к срыву предполагаемых под Ливнами переговоров.

Весной 1591 года вопрос о «отпуске» Мурад-Гирея был снят, и это повлекло за собой приостановку отправления посольства князя М.А. Щербатова и смену «разменных послов».

Демьенша Иванович Черемисов в качестве думного дворянина участвовал в церемониальной части приема крымских гонцов Джан-пашимурзы в июле 1585 г., Иссея в октябре 1586 г., Асана-мурзы в феврале 1588 г. и вновь Иссея в январе 1591 г. [18, л. 33, 77 об., 143 об.; 16, с. 12]. Помимо этого, как «выдвиженец» Ивана Грозного он имел большой дипломатический опыт еще с конца 70-х гг., причем в ряде случаев его коллегой при переговорах с польско-литовскими дипломатами был Б.Я. Бельский. Таким образом, в 1590–1591 гг. первый «разменный» посол был лицом, пользовавшимся доверием Б.Ф. Годунова, а второй был непосредственно связан с крымскими делами. В октябре 1593 года назначенный первый «разменный» посол князь Федор Иванович Хворостинин, несомненно, пользовался доверием Годунова. При этом он практически не имел опыта ведения переговоров с крымскими дипломатами

и привлекался только к церемониальной части приема Мурад-Гирея летом 1590 г. в Москве [2, с. 166]. Собственно говоря, он вообще не имел дипломатического опыта.

В этих обстоятельствах назначение именно Б.Я. Бельского вторым «разменным послом» выглядело неожиданным.

Впрочем, Богдан Яковлевич Бельский в той или иной степени был осведомлен о «перипетиях» отношений Москвы с Бахчисараем. До событий 1584 года эта осведомленность проистекала из самого его положения, когда, по общему мнению, сложившемуся в отечественной историографии, наиболее четко сформулированному А.П. Павловым, «когорта худородных думных дворян во главе с Богданом Бельским реально заправляла делами в государстве и пользовалась наибольшим доверием царя» [1, с. 28]. Напомним, что влияние Б.Я. Бельского на царя в последние годы жизни Грозного оспаривалось, по общему мнению, только одним лицом – Афанасием Федоровичем Нагим. Последний, как известно, был наиболее компетентен именно в крымских делах ввиду своего десятилетнего пребывания там в качестве посла. Неудивительно, что именно А.Ф. Нагой в последние годы жизни Грозного непосредственно участвовал в приеме крымских дипломатов. Про Бельского этого сказать нельзя.

Как известно, в последние годы жизни Ивана Грозного Богдан Яковлевич неоднократно привлекался им к посольским делам. В январе 1578 г. он вел переговоры с польско-литовским посольством С. Крайского, М. Сапеги и Ф. Скумина-Тыкевича в Москве в составе ответной комиссии думных чинов [19, с. 347 об.; 20, с. 749].

В сентябре 1581 года вновь в составе комиссии думных чинов он вел переговоры в Старице с папским эмиссаром Антонио Поссивино [21, с. 203]. В июне 1582 года в Москве вновь в составе аналогичной комиссии Богдан Яковлевич ведет переговоры с польско-литовским посольством Я. Заберизинского, причем это зафиксировано не только в посольской документации по связям с Польско-Литовским государством, но и в разрядах [22, с. 151; 23, с. 223]. Тогда же в июне 1582 г. на аудиенции этого посольства у Ивана Грозного Бельский, как известно, стоял выше рынд по правую руку от государя [22, с. 140 об.].

В историографии неоднократно отмечалось, что Бельский многократно принимал участие в обсуждении внешнеполитических вопросов как официально в составе думных чинов, так и полуофициально в кругу ближайших советников царя. При этом, исходя из сохранившихся источников, Богдан Яковлевич был задействован прежде всего «на западном направлении» московской внешней политики. К крымским делам

официально он никогда не привлекался. Во всяком случае, сохранившееся посольское дело-производство по связям с Крымом этого периода его участия в приеме крымских дипломатических представителей как в деловой, так и в церемониальной части не фиксирует. Между тем практика привлечения думных чинов к посольским делам во многом исходила из их осведомленности о конкретном состоянии «ссылок» с теми государствами или государственными образованиями, куда они отправлялись с дипломатическими миссиями или привлекались к приему прибывших оттуда дипломатов.

Правда, Богдан Яковлевич и до своего пребывания на воеводстве в Нижнем Новгороде в период между 1584 г. и 1588 г. и, что более важно, в 1591–1593 гг. имел возможность общаться еще со времени своего «восхождения» в конце 70-х гг. со своими товарищами по службе, непосредственно задействованными на крымском направлении. «Ближний круг» государя – курия думных дворян наиболее активно использовалась им на ключевых польско-литовском и крымском направлениях внешней политики. Об этом, в частности, свидетельствует перечень «дворян в думе» особого двора Ивана Грозного в известном исследовании С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского [24, с. 157]. Из шести этих лиц – А.Ф. Нагого, М.А. Бензина, Д.И. Черемисова, Б.В. Воейкова, И.П. Татищева и В.Г. Зюзина (помимо самого Б.Я. Бельского) в «ссылках» с Крымом в конце 70-х гг. были непосредственно задействованы А.Ф. Нагой и В.Г. Зюзин. Афанасий Федорович Нагой руководил в конце 1579 – начале 1580 г. переговорами с крымским посольством Араслана-мурзы Яшлавского-«Сулешева» [25, с. 2]. В.Г. Зюзин в сентябре 1578 г. являл на аудиенциях всех прибывших крымских гонцов и посла Араслан-мурзу Яшлавского-«Сулешева» [26, с. 357, 359, 360 об., 410 об., 422]. Тогда же он вел переговоры с крымцами в составе ответной комиссии думных чинов [16, с. 410 об.]. Интересно, что в начале того же 1578 г. В.Г. Зюзин вместе с Б.Я. Бельским вел переговоры в составе ответной комиссии с польско-литовским посольством С. Крайского, М. Сапеги и Ф. Скумина-Тыкевича [19, с. 347 об.]. Однако и А.Ф. Нагой и В.Г. Зюзин к этому времени давно сошли со сцены. В.Г. Зюзин попал в опалу уже к 1582 году. А.Ф. Нагой лишился своего положения сразу же после смерти Ивана Грозного, причем с гораздо худшими, чем для Б.Ф. Бельского, последствиями.

После смерти Грозного контроль над осуществлением внешней политики Русского государства, в том числе и на «крымском направлении», взял на себя Б.Ф. Годунов, которому бес-

прекословно повиновался Посольский дьяк А.Я. Щелкалов, зачастую третируемый в 70–80-х гг. А.Ф. Нагим и Б.Я. Бельским.

Однако Годунов во второй половине 80-х – начале 90-х гг. использовал в посольских делах «выдвиженцев» Ивана Грозного.

После ссылки Бельского при дворе продолжали служить думные дворяне М.А. Бензин, Р.В. Алферьев, Р.М. Пивов, Д.И. Черемисов и И.П. Татищев, хотя, как отмечает А.П. Павлов, «положение худородных выдвиженцев Грозного явно переменялось и они не пользовались уже былым влиянием в государстве» [1, с. 30–31].

Как мы видели, из их числа думный дворянин и казначей Д.И. Черемисов и думный дворянин Р.М. Пивов в начале 90-х были задействованы Б.Ф. Годуновым в «ссылках» с Крымом. После возвращения Б.Я. Бельского в Москву судьба вновь свела его с бывшими сослуживцами.

Материалы разрядов свидетельствуют о совместной службе Бельского с ними при сборе войск против крымских нападений в июле 1591 года. «Несостоявшиеся» послы Деменьша Иванович Черемисов и Роман Михайлович Пивов в июле 1591 г. при отражении крымского нападения получают назначение «в прибыльных воеводах» в большом полку князя Ф.И. Мстиславского и Б.Ф. Годунова [2, с. 212].

Таким образом, Бельский несомненно мог быть осведомлен о многих обстоятельствах русско-крымских отношений начиная с конца 70-х гг., когда он вошел в состав ближайшего окружения Грозного, и, кроме того, после возвращения из ссылки, когда во время кампании 1591 года имел возможность общаться с бывшими сослуживцами.

Однако помимо этого Б.Я. Бельский мог быть непосредственным участником важных событий, связанных с «астраханской эпопеей» Мурад-Гирея. Путь царевича из Москвы в Астрахань лежал через Нижний Новгород. Первый раз он был там в конце лета 1586 г. Из Москвы Мурад-Гирей сухопутным путем двинулся в Ярославль, а затем уже Волгой в Нижний Новгород. Интересно, что сведения о пребывании Мурад-Гирея в Русском государстве содержатся в Строгановской редакции «Нижегородского летописца», что явно связано с его проездами через Нижний Новгород [27, с. 158]. Везти из Москвы в Нижний Новгород Мурад-Гирея по Оке было опасно. В Нижнем Новгороде, как и в других пунктах остановки «царевича», к нему присоединялись различные воинские контингенты. В их числе были и стрельцы из Нижнего Новгорода [28, с. 26–27]. Как нижегородский воевода, Б.Я. Бельский не мог не быть в курсе начинавшегося «астраханского проекта». В дальнейшем из

Астрахани «царевич» еще два раза в начале 1589 г. и весной 1590 г. вызывался в Москву и вновь двигался по Волге через Нижний Новгород. Тем же путем он двигался обратно. Однако, скорее всего, тогда Б.Я. Бельский в Нижнем Новгороде уже не воеводствовал.

Назначение Бельского вторым «разменным послом» в посольской документации зафиксировано в «приговоре» государя с боярами в октябре 1593 года [29, с. 119–120]. Точная датировка не указана. Судя по последовательности внесения сведений о подготовке посольского размена и съезда, назначение произошло после получения от посланника С.В. Безобразова достоверных сведений о следовании крымского посольства к московским рубежам. Они были доставлены со служилым татаринном в Ливны и пересланы в Москву. Грамота извещала о следовании посольства [29, с. 117–119]. В «приговоре» Богдан Яковлевич указан с чином оружничего [29, с. 119 об.]. Интересно, что его коллега князь Федор Иванович Хворостинин в том же приговоре впервые указан с боярским чином.

В дальнейшем во всех указных грамотах послам от имени государя, исходивших из Посольского приказа, Бельский в качестве второго адресата всегда указывался с чином оружничего. При этом, как второй адресат, он именовался «оружничей и воевода» [29, с. 260, 278; 295 об., 450 об., 489 об.; 30, с. 90]. В русском противне предварительного русско-крымского договора, который был составлен в Посольском приказе при снаряжении «разменного» посольства, Бельский также обозначен как «оружничей и воевода» [29, с. 209–209 об.].

Дата выезда Хворостинина и Бельского из Москвы в крымской посольской книге не зафиксирована. Известно, что посольство формировалось в Калуге. Вскоре послы получили подробные инструкции («наказную память») для проведения посольского размена и съезда [29, л. 186 об. – 216 об.]. Главными их чертами было следующее.

– Русская сторона перед разменом ставила задачей проведение полномасштабных переговоров о «большом деле», т.е. заключение русско-крымского договора.

– Посольский размен должен был состояться только после принесения шерти крымскими эмиссарами во главе с Ахмед-пашой.

– Перед началом основных переговоров следовало определить их условия, приемлемые для обеих сторон, в связи с чем рассматривались различные варианты, не унижающие престиж.

– Степень участия отпускаемых крымских представителей Ямгурчея аталыка и Аллабердея-мурзы Яшлавского-«Сулешева» в перегово-

рах зависела от позиции Ахмед-паши «Сулешева» и вообще от расстановки сил в крымском посольстве.

– В связи с этим предполагалось провести конфиденциальный зондаж намерений крымской стороны путем выяснения вопроса о передаче жалования «крымским мурзам», находящимся в составе посольства, традиционным путем составления их списка с Ахмед-пашой «Сулешевым».

– Хворостинину и Бельскому следовало максимально использовать сведения, предоставляемые посланником С.В. Безобразовым, который должен принять участие в переговорах.

– Следовало максимально обеспечить безопасность посольского съезда.

– Сам посольский размен должен был состояться только после завершения переговоров и принесения Ахмед-пашой «Сулешевым» и другими крымскими эмиссарами шерти.

– Вопрос об отпуске в Крым «царицы» Ертуган и людей ее «двора» ставился в зависимость от хода переговоров.

Хворостинину и Бельскому давался крымский противень предварительного договора, внесенный в «наказную память» текст шертной записи, который должен был принести Ахмед-паша, «запись по чему привести к шерти Ахмед-пашу князя Сулешева» [29, с. 206–209]. Туда же был внесен и русский противень предварительного договора – «список» на чем целовати крест боярину князю Федору Ивановичу Хворостинину с товарищи» [29, с. 209–210 об.]. Впрочем, церемонии крестоцелования разменными послами удалось избежать.

Шертная запись должна была быть переписана и превратиться в «шертную грамоту» – ратифицированный крымской стороной текст предварительного договора, который по завершении посольского размена и съезда послы должны были доставить в Москву, что ими и было сделано. Текст предварительного договора, составленного в Москве, и текст, на котором крымцы должны были принести шерть, должны были быть абсолютно идентичными («слово в слово»).

Главным был отказ крымской стороны от всех враждебных действий в отношении Русского государства. Впрочем, предварительный договор, который Ахмед-паша «Сулешев» давал «за весь» Крым, по существу представлял собой его личные обязательства и обязательства его клана («родни») по отношению к Москве. Кроме того, неясно было, захотят ли шертовать эмиссары крымской знати.

Успех посольского размена и съезда должен был быть обусловлен огромным «жалованием» участвовавшей в нем крымской знати, «рос-

пись» которого содержится в деле об отпуске «разменным послам» [29, л. 216 об – 223 об.]. В инструкции Хворостинину и Бельскому вносились коррективы. Наказная память была составлена 22 октября [29, л. 168 об.]. Между тем 28 октября в Москву прибыл курьер Ахмед-паши Аллобердей с «челобитьем об отпуске брата» [29, л. 272]. 29 октября состоялся «приговор» об отпуске Ибрагим-паши «Сулешева» [29, л. 277 об.]. В связи с этим Хворостинину и Бельскому в тот же день были направлены новые инструкции – грамота от имени государя. Выполнение «челобитья» Ахмед-паши, которое «шурин наш слуга и конюший боярин воевода дворовый наместник Казанский и Астроханский Борис Федорович Годунов до нашего царского величества донес», рассматривалось как средство давления на организатора посольского размена и съезда с крымской стороны [29, л. 278–278 об.]. 30 октября Ибрагим-паша также был приведен к шерти, которая содержала его личное обязательство содействовать успеху переговоров под Ливнами, и в тот же день спешно выдворен из Москвы [29, л. 279 об. – 281]. Вместе с ним был отпущен гонец Ахмед-паши Аллобердей с посланиями к нему от Годунова. Одновременно (т.е. 30 октября) Хворостинину и Бельскому была отправлена новая грамота с уведомлением о выезде именитого пленника, а также списки с грамот Годунова к его брату [29, л. 295 об. – 298 об.]. Одновременно был составлен окончательный вариант «наказной памяти» послу князю М.А. Щербатову. Ход непосредственно посольского размена и съезда рассмотрен в предварительном «статейном списке» послов и грамотах на имя государя, посылаемых непосредственно на пути к Ливнам и из-под Ливен, и в окончательном статейном списке, представленном в Посольский приказ по возвращении [29, л. 458–466, 467–469, 486 об. – 489; 31, с. 1–184].

Материалы донесений послов о ходе посольского съезда-размена на первый взгляд не свидетельствуют об особой роли Бельского. Все решения принимаются Хворостининым и Бельским «коллегиально», в ряде случаев с привлечением посла князя М.А. Щербатова. На совещаниях и на пути к Ливнам и в самих Ливнах и, наконец, в лагере у реки Сосны присутствуют приставленные к обоим («разменному» и «основному») посольствам дяки. Заметна роль на первый взгляд скромного переводчика Посольского приказа, а на деле «соглядателя» Б.Ф. Годунова Вельямина Степанова. Активен стрелецкий голова Леонтий Лодыжинский. В действительности Б.Я. Бельский играл и на переговорах с крымцами и на совещаниях русских диплома-

тов роль, не уступающую первому послу боярину князю Ф.И. Хворостинину.

Русское посольство к реке Сосне опоздало примерно на неделю и прибыло туда 4 ноября [29, л. 458–458 об.]. В тот же день начались интенсивные «ссылки» с крымцами. Сразу же обозначилась конфликтная ситуация. Ахмед-паша категорически отказывался переезжать на переговоры на русский берег» реки Сосны. Хворостинин и Бельский, в свою очередь, отказывались приезжать на «крымский берег». В безрезультатных переговорах, которые вели эмиссары обеих сторон: русской – Леонтий Лодыжинский вместе с Вельямином Степановым и крымской – Джан-Молла-мурза, прошли два дня 5 и 6 ноября.

В первые же дни важные обстоятельства неожиданно выдвинули Б.Я. Бельского на первый план. Из грамоты С. Безобразова, переданной из-за реки Сосны с его толмачом (служилым казаком), вечером 6 ноября стало известно, что в крымском лагере находится личный эмиссар хана, посланный им для контроля за Ахмед-пашой «князем Сулешевым». Это был известный в Москве сын виднейшего казанского и крымского вельможи 40–60-х гг. Ак-Мухаммеда Ислам-улан (Исмаил-Казы оглан) – «казанский новокрещенец князь Федор», большую часть своей жизни (с раннего детства) проведший на территории Русского государства. Он вместе с братом прибыл туда в свите малолетнего смещенного казанского хана Утямыш-Гирея. Выдача московским властям сыновей виднейшего приближенного хана Сафа-Гирея была знаковым событием и имела большие последствия. Судьба его отца сложилась драматично. Ак-Мухаммед (Магмет)-улан (Ак-Мухаммед-оглан) прибыл в Казань из Крыма вместе с ханом Сафа-Гиреем. В этот период он постоянно упоминался в различных источниках, частично введенных в оборот И.В. Зайцевым [32, с. 146–156]. В исторической литературе он иногда именовался Ахмед-уланом. Дело в том, что в русской посольской документации и в кириллических текстах Литовской метрики этот видный представитель политической элиты Крыма пишется – как «Магмет-улан», «Ак-Магмет-улан» или «Али Магмет-улан», а в коронных скарбовых книгах как «Ак-Магмед». Русская посольская документация по связям с Крымом многократно упоминала Ак-Мухаммеда как «казанца» [33, с. 16]. Поэтому в отечественной историографии долгое время считалось, что Ак-Мухаммед был представителем казанской знати. Так, А.А. Новосельский полагал, что Ахмед-улан был главой казанской эмиграции в Крыму и представлял ее интересы в ханском диване [34, с. 20]. Выдаче своих сыновей Москве после свержения казанской знатю Утямыш-Гирея Ак-Мухаммед поме-

шать не смог. После скитаний по улусам Ногайской Орды вернулся в Крым в конце 1551 г. или в 1552 г. и занял видное место среди «ближних царевых людей» хана Девлет-Гирея I. При прибытии в середине 50-х гг. в Польско-Литовское государство крымского посольства Аккуш-улана Ак-Мухаммед упомянут в перечне крымской знати, приславшей своих гонцов как аталык второго сына хана Адыл-Гирея [35, с. 153]. Это же подтверждается в русской посольской документации. Влияние Ак-Мухаммеда в Крыму сохранялось и в конце 60-х – начале 70-х гг. В «реестре упоминков» литовского посла А. Владьки в 1568 г. он назван пятым по счету королевским «гомьятом» и значится шестым по счету при перечислении всех крымских вельмож [35, с. 317]. Ак-Мухаммед неоднократно участвовал в крымских походах на Русское государство. Так, в московском походе конца 1558 – начала 1559 г. он командовал авангардом орды, который должен был идти к Туле. Жесткая антимосковская позиция Ак-Мухаммеда отмечена в «отписках» русских дипломатов в Крыму на протяжении 1563–1571 гг., что безусловно во многом объяснялось пленением его сыновей. Ак-Мухаммед неоднократно просил хана Девлет-Гирея I содействовать отпуску их из Москвы. Эти «просьбы» неоднократно оглашались крымскими гонцами в Москве. Так, на аудиенции у царевича Ивана Ивановича в Москве 5 июля 1565 г. гонец Акинчей исправлял «челобитье» «отпустить Ак-Магметовых детей» [36, л. 348 об.].

В доставленном в марте 1566 г. послании бека Сулеша Яшлавского Ивану Грозному московский «амиат» четко увязывал освобождение сыновей Ак-Мухаммеда с установлением «дружбы и любви» между Русским государством и Крымом. При этом Сулеш подчеркивал, что Ак-Мухаммед является аталыком (воспитателем) второго сына хана Адыл-Гирея, а его удерживаемые в Москве сыновья имелдешами (молочные братья) этого «царевича» [37, л. 113–113 об.]. К 1572 году жив был только один сын, который был крещен и в русской посольской документации постоянно упоминается как «князь Федор». Он был отправлен в Крым в феврале 1572 г. с отпущенным гонцом Джан-Мухаммедом (Ян-Магметем), последним ханским эмиссаром, побывавшим в Русском государстве накануне крымского вторжения 1572 г. Отпуску «князя Федора» предшествовала переписка его отца с Иваном Грозным [38, с. 322]. Переговоры с Ак-Мухаммедом в Крыму по этому вопросу вел пребывавший там в качестве посла А.Ф. Нагой. В курсе дела об отпуске «князя Федора» был и дядя Б.Я. Бельского Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, активно

привлекавшийся в это время Иваном Грозным к обсуждению «крымских дел» [33, с. 27, 64]. Непосредственно организовывал отпуск «князя Федора» Посольский дьяк А.Я. Щелкалов. Возвращение «князя Федора» было частью сложной дипломатической игры, которую вел Иван Грозный с ханом Девлет-Гиреем I и его «ближними людьми», связанной с отказом от обещаний «вернуть мусульманские юрты» Крымскому ханству, данных государем после катастрофы 1571 года. Вернувшись в Крым, «князь Федор» обратился в веру своих предков и на долгое время исчез из поля зрения русской дипломатии и разведки.

Назначением Ислам-улана хан решал несколько проблем. С одной стороны, «князь Федор», свободно владеющий русским языком, прекрасно знал московские реалии и лично был знаком со многими лицами, в том числе и с проводившим размен с русской стороны Б.Я. Бельским. С другой стороны, он «уравновешивал неизбежные конфликты в крымском посольстве. Однако главной его задачей являлось добиться возвращения в Крым «царевичевых людей».

Между тем доставленный из Ливен в русский лагерь на берегу реки Сосны Ямгурчей аталык отказался ехать на «крымскую сторону» реки с тем, чтобы убедить Ахмед-пашу согласиться вести переговоры «на русской стороне». Ситуация осложнялась

7 ноября с утра отправленный к крымцам отпущенный из Москвы гонец Аллабердей сообщил Ахмед-паше, что его брат Ибрагим-паша уже в Ливнах. Это несколько разрядило напряженную обстановку.

Днем 7 ноября в русский лагерь прибыл отпущенный крымцами возвращающийся из Крыма посланник Семен Владимирович Безобразов, сразу же «включившийся в работу» вместе с послами [29, л. 470 об.; 31, л. 21 об]. Безобразов, входивший вместе с Бельским в состав «особого двора» Ивана Грозного, был его давним сослуживцем [39, л. 495]. Оба они участвовали в 70-х гг. в ливонских походах Ивана Грозного. Так, в июне 1579 г. в очередном царском походе в Ливонии С.В. Безобразов – стряпчий с ключом, а Б.Я. Бельский – с шеломом при государе [23, с. 84, 55].

Безобразов подтвердил, что Ислам-улан является эмиссаром хана. Он явно был прислан для того, чтобы контролировать и Ахмед-пашу Яшлавского и Ямгурчей аталыка. Между прочим, 8 ноября Ислам-улан присылал к С.В. Безобразову своего «человека» с известием, что Ямгурчей аталык якобы отправил к Ахмед-паше послание, в котором советовал не соглашаться на русские предложения [31, л. 33–

33 об.]. Вечером послы провели очередное совещание. Было решено продолжить переговоры.

8 ноября после напряженных переговоров была достигнута договоренность о встрече на мосту. Утром после очередных безрезультатных переговоров Л. Лодыжинского и В. Степанова в крымском лагере стало ясно, что ситуация зашла в тупик. Вначале на совещании всех послов, включая прибывших из Ливен князя М.А. Щербатова и дьяка Блохина, было принято решение предложить крымцам встретиться на плотках посреди реки. Кроме того, было решено предложить в крайнем случае провести переговоры на мосту. (Источник не позволяет выяснить, когда был построен этот мост.) С этим в крымский лагерь второй раз за день были отправлены Л. Лодыжинский и В. Степанов. Вечером они вернулись и сообщили о найденном взаимоприемлемом решении. Предварительные переговоры двух сторон должны были состояться на мосту посреди реки Сосны. В случае если они окажутся успешными, крымцы готовы были продолжить их на русском берегу.

Посольский съезд состоялся 9 ноября «на мосту» и ознаменовался предварительными переговорами в традиционной форме произнесения обеими сторонами «речей», принесением шерти, а также переговорами уже «в шатрах». Переговоры единолично вел Ахмед-паша, однако в присутствии Ислам-улана, иногда выступавшего в роли переводчика.

Русская сторона во время этих переговоров проявила себя достаточно успешно. Хворостинину и Бельскому удалось дезавуировать основное требование крымцев – ежегодную присылку 10 тысяч рублей хану при каждом новом посольском размене после заключения «докончания». Согласие дано было в очень неопределенной форме. Впоследствии Ахмед-паша «Сулешев» неоднократно возвращался в Крыму к обстоятельствам переговоров и принесения им «шерти» на «съезде», упрекая русских послов в обмане.

Церемония принесения шерти крымцами состоялась также на мосту через Сосну [31, л. 56]. Шертная запись, принесенная 9 ноября Ахмед-пашой и эмиссарами крымских кланов, содержащаяся в составе двадцать первой крымской посольской книги, была опубликована Ф.Ф. Лашковым [40, с. 44–45].

Принесенная крымцами шерть содержала обязательство крымской стороны об отказе от нападений на Русское государство. При этом отказ от нападений распространялся и на мурз Арсланаева улуса: «и на государеву землю войною самому царю не ходити, и царевичей, и князей и мурз с Крымскими людьми, и нагайских мурз Арасланай мурзы Дивеева с братьею, и с

детьми, и с племянниками с Нагайскими людьми никого не посылати» [40, с. 44].

Важным было обязательство крымской стороны обеспечивать безопасное следование посольства князя М.А. Щербатова в Крым.

Шерть принес не только Ахмед-паша, но и эмиссар калги (наследника престола) ханского брата Фетх-Гирея Казы Байрам, а также представители всех кланов крымской знати. Ислам-улан («Ислам Казы-улан Акк Магмет уланов сын») шертовал пятым по счету [31, с. 53].

Наконец 10 ноября размен состоялся. Крымские и русские посольства перебрались через Сосну. Первыми двинулись крымцы, затем посольство князя М.А. Щербатова. За ним двинулись обозы с «поминками», а потом уже отпускаемые крымцы. Отпущенные крымцы переправлялись в следующем порядке: сначала «царица» Ертуган со свитой, потом Аллабердей-мурза с отпускаемыми гонцами от «крымской знати и «царевичей» и, наконец, Ямгурчей аталык. По прибытии «на русскую сторону» крымский посол князь Ишмаметь Ширинский был немедленно препровожден в шатер, где ему было вручено «государево жалование».

В соответствии с данным им «наказом» Хворостинин и Бельский в максимально короткий срок отправили крымское посольство в Москву. Удалить крымцов с берегов Сосны в Ливны удалось только 12 ноября [31, л. 73 об.]. Сами послы остались.

Ахмед-паша «Сулешев» не спешил покидать берега реки Сосны. В тот же день 12 ноября он возобновил контакты с Хворостининым и Бельским, требуя выдачи дополнительного государева «жалования» эмиссарам крымской знати. При этом Ахмед-паша явно опасался, что его обвинят в чрезмерном получении «жалования». С этими требованиями за реку был прислан именно Ислам-улан – «князь Федор» [31, л. 74]. Вскоре выяснилось, что Ислам-улан доводит до послов не столько требования Ахмед-паши, сколько позицию самого хана, который явно опасался недовольства своего брата калги Фетх-Гирея, интересы которого представлял Казы Баирам, его имелдеш (молочный брат). Послы вынуждены были, отпустив Ислам-улана, сами отправиться на берег реки Сосны, куда с крымской стороны» подъехал Ахмед-паша. Ожесточенные препирательства с ним шли весь день. В итоге послы обещали на следующий день отправить дополнительное «жалование».

«Жалование» было отправлено, но разразился конфликт по поводу «двора» Ертуган и крымской эмиграции. 13 ноября из-за Сосны повторно пожаловал Ислам-улан – «князь Федор» [31, л. 76 об.]. Выяснилось, что многие

ключевые фигуры из окружения Мурад-Гирея, такие как Елмамет аталык и «князь» Янтимир, отказались возвращаться в Крым. Действительно, перечень лиц, возвращающихся с «царицей», содержит только второстепенные фигуры [28, л. 54]. Послы заняли жесткую позицию, напомнив, что заранее был обусловлен добровольный характер возвращения «царевичевых ближних людей». Однако Ислам-улан вновь настоял на очередной встрече с Ахмед-пашой. Препирательства с ним завершились обещанием послать ему и всем эмиссарам крымской знати дополнительного «жалования». Вопрос о «царевичевых ближних людях» было решено рассмотреть в ходе дальнейших переговоров в Москве и Бахчисарае.

14 ноября «дополнительное жалование» было отправлено на другой берег Сосны [31, с. 83–84]. После этого крымцы наконец покинули берега реки Сосны. 22 ноября в Москве были получены последние донесения Хворостинина и Бельского о том, что крымцы и посольство князя М.А. Щербатова покинуло берега реки Сосны и направилось в Крым 14 ноября, а они двинулись из Ливен к Москве вместе с крымским посольством 15 ноября [29, л. 494 об. –495]. Последние инструкции Хворостинину и Бельскому были отправлены из Посольского приказа также 15 ноября, уже после завершения посольского размена и съезда [29, л. 489 об. –490 об.]. Они касались ускорения движения крымского посольства к Москве. Интересно, что отправление последней грамоты было оформлено приговором Боярской думы, причем отмечено, что «государь царь и великий князь велел отписать к боярину князю Федору Ивановичу Хворостинину с товарищи своею царскою рукою» – высшее выражение государевой милости [29, л. 489].

Казалось бы, успешное участие в важной дипломатической миссии должно было хотя бы частично вернуть Б.Я. Бельскому положение в московских «верхах», однако этого не произошло. Показательно следующее упоминание Б.Я. Бельского в разрядах: «Тово же лета июля в 1 день послал государь засек делать на украину на четыре статьи: первой статье окольный князь Иван Васильевич Великий Гагин; а взят он на берегу, да с ним оружничий Богдан Яковлевич Бельский; и Богдан Бельский бил челом государю в отечестве на князя Ивана Гагина» [4, с. 79]. Результат местничества не ясен. Следующая запись в разрядах указывает только, что князь И.В. Гагин отозван «ис передового полку ис Колуги к Москве» [4, с. 79]. Таким образом, Б.Я. Бельский назначается в важную миссию на южные рубежи, но с формальным

подчинением менее опытному лицу. Правда, «в другой статье» при исполнении этой миссии были назначены такие видные деятели, как окольный князь Андрей Иванович Хворостинин и думный дворянин Деменьша Иванович Черемисов, а «третьей статье» окольный Михаил Глебович Салтыков и думный дворянин Игнатей Петрович Татищев [4, с. 79].

Зато под 1595/96 г. Б.Я. Бельский вновь с чином оружничего «дозирал» только «пятую засеку украинских городов», уступая многим лицам, в т.ч. и окольному М.Г. Салтыкову и думному дворянину И.П. Татищеву [4, с. 109].

Наконец 3 сентября 1598 г. Б.Я. Бельский был пожалован чином окольного [41, с. 54]. За этим в июне 1599 г. последовала самая известная доверенная ему Б.Ф. Годуновым военно-административная миссия – «город поставить у Святы Гор под Крымом на реке на Осколе и на Дону на Северном». «Имя городу велено дать Новый Царев Борисов Город» [41, с. 71]. В этом назначении не было ничего неожиданного. Подобные задачи, связанные со строительством крепостей на южных рубежах, Б.Ф. Годунов часто поручал лицам, имевшим опыт участия в «ссылках» с Крымом. Например, Елец возводил Иван Григорьевич Судаков-Мясной, три раза ездивший в качестве гонца в Крым, причем две последние миссии им были осуществлены самостоятельно при отсутствии там каких-либо московских дипломатов.

Как известно, исполнение этого приказа Б.Ф. Годунова было Бельским успешно осуществлено, и он вернулся в Москву к 1600 г. Кратковременное нахождение во главе Аптекарского приказа летом 1601 г. кончилось для Бельского очередной опалой [42, с. 34]. Это тема отдельного исследования, уже в значительной мере проведенного Б.Н. Флорей, введшего в научный оборот материалы следственного дела Б.Я. Бельского [43, с. 302–306].

Материалы следственного дела показывают, что непосредственным поводом к опале и репрессиям Б.Я. Бельского послужил донос на него, исходящий из Аптекарского приказа, о якобы имеющемся у него намерении отравить царскую семью Годуновых. Вместе с тем значенные имели и многочисленные «речи» Богдана Яковлевича в период его миссии по строительству Царева Борисова. Подобная версия опалы Бельского была «озвучена» К. Буссовым [44, с. 85]. Имеются, как известно, об этом сведения и в «Новом летописце» [45, с. 57]. Отметая «конспирологические версии» мести Годунова Бельскому за распространение слухов о его причастности к кончинам Ивана Грозного и Федора Ивановича, следует признать, что глу-

хое недовольство Богдана Яковлевича Борисом Федоровичем имело под собой определенные основания и рано или поздно должно было проявиться открыто.

Бельский был личностью, обладающей задатками крупного государственного деятеля и дипломата. Но именно это и вызывало опасения у Годунова. Привлечение Богдана Яковлевича к важной дипломатической миссии осенью 1593 года после длительной опалы или «полуопалы» и столь же длительное очередное устранение его от дел это наглядно подтверждают. Последняя опала и ссылка с 1601 г. сделала Б.Я. Бельского врагом рода Годуновых. Месть его была, как известно, страшной. Смута наконец вывела Богдана Яковлевича Бельского в очередной раз «на авансцену» русской истории, и она же вскоре привела его к трагическому финалу.

Список литературы

1. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 279 с.
2. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2 / Сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1987. 236 с.
3. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
4. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3 / Сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1989. 228 с.
5. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 274–299.
6. Беннигсен А., Лемерсье-Кельеже Ш. Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 220–254.
7. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 17.
8. Лашков Ф.Ф. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. // Известия Гаврической ученой архивной комиссии (ИТУАК) № 14. Симферополь, 1891. С. 43–80.
9. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в первые годы правления хана Гази-Гирея II (1588–1591 гг.) в контексте консолидации Крымского ханства по завершении династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 17–46.
10. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань Мир, 2011. 512 с.
11. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мир-

ных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 18–50.

12. Виноградов А.В. Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7. Казань, 2015. С. 62–77.

13. Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства во второй половине XVI в. // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Наука – Восточная литература, 2006. С. 26–74.

14. Виноградов А.В. «Московская партия» в Крыму в 70–90-х гг. XVI в. // Мининские чтения 2008. Труды участников Международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 403–416.

15. Магилина И.В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII в. Волгоград: Мириа, 2012. 371 с.

16. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 19.

17. Описание Архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1 / Подгот. к печати В.И. Гальцев. М., 1977. 416 с.

18. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 16.

19. РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Ед. хр. 10.

20. Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.

21. Курукин И.В. Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. М.: Аграф, 2005. 252 с.

22. РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Ед. хр. 14.

23. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1 / Сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1984. 282 с.

24. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 153–193.

25. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1579 г. (столбцы). Ед. хр. 2.

26. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 15.

27. Виноградов А.В. Мурад-Гирей «в Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах. Выпуск 5. М., 2011. С. 142–187.

28. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012: Политическая и этнокультурная история

тюркских народов и государств. М.: Наука – Восточная литература, 2013. С. 11–59.

29. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 20.

30. Лашков Ф.Ф. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 15. Симферополь, 1892. С. 70–94.

31. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 21.

32. Зайцев И.В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и его сын Федор // Золотоордынское обозрение. Казань, 2013. № 2. С. 146–156.

33. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 14.

34. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 442 с.

35. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) / Издана по поручению Московского общества истории и древностей российских князем М. Оболенским и профессором И. Даниловичем. М., 1843. 480 с.

36. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 11.

37. РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Ед. хр. 12.

38. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2007. 342 с.

39. Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М. – СПб.: Альянс-Архео, 2016. 672 с.

40. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.

41. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1 / Сост. Л.Ф. Кузьмина. М.: Институт российской истории РАН, 1994. 138 с.

42. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII веков. Словарь-справочник. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 302 с.

43. Флоря Б.Н. Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 г. М., 1986. С. 302–306.

44. Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

45. Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 33–156.

References

DIPLOMATIC ACTIVITIES OF BOGDAN BELSKY IN THE 1590s

A.V. Vinogradov

The role of Bogdan Belsky is defined in the implementation of the Russian state's foreign policy in the «Crimean direction» in the 1590s. We try to find out the reasons why Boris Godunov attracted B. Belsky after a prolonged disgrace to diplomatic activities, in particular, for implementing ambassadorial exchange and the meeting with Crimeans in the autumn of 1593 near Livny. Some poorly explored pages in Bogdan Belsky's political biography during the 1590s are examined.

Keywords: Russian-Crimean relations, ambassadorial exchange and Livny meeting, Bogdan Belsky, Boris Godunov, Prince Fedor Khvorostinin, Ahmed Pasha, «Prince Suleshev».

1. Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.). SPb.: Nauka, 1992. 279 s.
2. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. T. 3. Ch. 2 / Sost. L.F. Kuz'mina. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1987. 236 s.
3. Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. M.: Nauka, 1966. 614 s.
4. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. T. 3. Ch. 3 / Sost. L.F. Kuz'mina. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1989. 228 s.
5. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya v 1570–1590-h gg. v kontekste dinasticheskogo krizisa Gireev // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 2. Kazan', 2010. S. 274–299.
6. Bennigsen A., Lemers'e-Kel'kezhe Sh. Moskoviya, Osmanskaya imperiya i krizis nasledovaniya hanskoy vlasti v Krymu v 1577–1588 gg. // Vostochnaya Evropa Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni glazami francuzskih issledovatelej. Kazan': Institut istorii AN RT, 2009. S. 220–254.
7. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 17.
8. Lashkov F.F. Statejnyj spisok moskovskogo poslannika v Krym Ivana Sudakova v 1587–1588 gg. // Izvestiya Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (ITUAK) № 14. Simferopol', 1891. S. 43–80.
9. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya v pervye gody pravleniya hana Gazi-Gireya II (1588–1591 gg.) v kontekste konsolidacii Krymskogo hanstva po zavershenii dinasticheskogo krizisa Gireev // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 4. Kazan', 2012. S. 17–46.
10. Belyakov A.V. Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie. Ryazan': Ryazan' Mir, 2011. 512 s.
11. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya 1591–1593 godov: ot konfrontacii k poiskam mirnyh reshenij // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 6. Kazan', 2014. S. 18–50.
12. Vinogradov A.V. Russko-krymskij posol'skij s'ezd pod Livnami osen'yu 1593 goda // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 7. Kazan', 2015. S. 62–77.
13. Vinogradov A.V. Rod Sulesha vo vneshej politike Krymskogo hanstva vo vtoroj polovine XVI v. // Tyurkologicheskij sbornik. 2005: Tyurkskie narody Rossii i Velikoj stepi. M.: Nauka – Vostochnaya literature, 2006. S. 26–74.
14. Vinogradov A.V. «Moskovskaya partiya» v Krymu v 70–90-h gg. XVI v. // Mininskie chteniya 2008. Trudy uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo (24–25 oktyabrya 2008 g.). Nizhnij Novgorod, 2010. S. 403–416.
15. Magilina I.V. Rossiya i proekt antiosmanskoj ligi v konce XVI – nachale XVII v. Volgograd: Miria, 2012. 371 s.
16. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 19.
17. Opis' Arhiva Posol'skogo prikaza 1626 goda. Ch. 1 / Podgot. k pečati V.I. Gal'cev. M., 1977. 416 s.
18. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 16.
19. RGADA. F. 79. Snosheniya Rossii s Pol'shej. Op. 1. Ed. hr. 10.
20. Filyushkin A.I. Izobretaya pervuyu vojnu Rossii i Evropy. Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013. 845 s.
21. Kurukin I.V. Ivan Groznyj i iezuity: missiya Antonio Possevino v Moskve. M.: Agraf, 2005. 252 s.
22. RGADA. F. 79. Snosheniya Rossii s Pol'shej. Op. 1. Ed. hr. 14.
23. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. T. 3. Ch. 1 / Sost. L.F. Kuz'mina. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1984. 282 s.
24. Mordovina S.P., Stanislavskij A.L. Sostav osobogo dvora Ivana IV v period «velikogo knyazheniya» Simeona Bekbulatovicha // Arheograficheskij ezhegodnik za 1976 g. M., 1977. S. 153–193.
25. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. 1579 g. (stolbcy). Ed. hr. 2.
26. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 15.
27. Vinogradov A.V. Murad-Girej «v Astrohani». K istorii politiki Rossii na Nizhnej Volge i na Kavkaze v 1586–1591 gg. // Istoriya narodov Rossii v issledovaniyah i dokumentah. Vypusk 5. M., 2011. S. 142–187.
28. Belyakov A.V., Vinogradov A.V. Murad-Girej: sluzhilyj Chingisid v Rossii ili pretendent na krymskij prestol? // Tyurkologicheskij sbornik. 2011–2012: Politicheskaya i ehtnokul'turnaya istoriya tyurkskih narodov i gosudarstv. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2013. S. 11–59.
29. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 20.
30. Lashkov F.F. Statejnyj spisok moskovskogo poslannika v Krym Semena Bezobrazova v 1593 godu // Izvestiya Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (ITUAK). № 15. Simferopol', 1892. S. 70–94.
31. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 21.
32. Zajcev I.V. Sud'ba aristokrata. Ak-Muhammedoglan i ego syn Fedor // Zolotoordynskoe obozrenie. Kazan', 2013. № 2. S. 146–156.
33. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 14.
34. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 442 s.
35. Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomatischekie snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmund-Avgusta (s 1545 po 1572 god) / Izdana po porucheniyu Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej rossijskih knyazem M. Obolenskim i professorom I. Danilovichem. M., 1843. 480 s.
36. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 11.
37. RGADA. F. 123. Snosheniya Rossii s Krymom. Op. 1. Ed. hr. 12.
38. Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya 50-e – vtoraya polovina 70-h godov XVI veka. Ch. 2. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2007. 342 s.
39. Korzinin A.L. Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnyj period (1550–1565 gg.). M. – SPb.: Al'yans-Arheo, 2016. 672 s.
40. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomatischekih snoshenij Krymskogo hanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII vv., hranyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arhive Ministerstva Inostrannyh del // Izvesti-

ya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii. № 9. Simferopol', 1890. S. 1–47.

41. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. T. 4. Ch. 1 / Sost. L.F. Kuz'mina. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1994. 138 s.

42. Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Ehskin Yu.M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov.

Slovar'-spravochnik. M. – SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 302 s.

43. Florya B.N. Iz sledstvennogo dela Bogdana Bel'skogo // Arheograficheskiy ezhegodnik za 1985 g. M., 1986. S. 302–306.

44. Bussov K. Moskovskaya hronika 1584–1613 gg. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1961.

45. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 14. SPb., 1910. S. 33–156.